

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВА *ГНЕВ*
ABOUT THE HISTORY OF THE WORD *ANGER*

ALLA KAMALOVA

ABSTRACT. In the article the conceptual core of the word “anger” is described in historical terms. The author examines the semantic relations of this word and its functioning within phraseological units.

Alla Kamalova, Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, Olsztyn – Polska,
allakamalova@wp.pl

Эмоции человека издавна являются предметом пристального внимания ученых. К данному психологическому феномену проявляют интерес психологи, физиологи, философы, литературоведы, лингвисты, но убедительной концепции и классификации эмоций до сего времени не существует. Представляется, что эта задача может быть решена при взаимодействии различных научных знаний, при этом рассмотрение общих вопросов изучения эмоций не может рассматриваться без частных, связанных с отображением эмоций в языке.

Количественный состав и системные отношения русской лексики, именуемой эмоцией, в том виде, в котором они представлены сегодня, существовали не всегда. Каждое слово, его значение и особенности функционирования, место и отношения слова в языковой системе – все это имеет свою, неповторимую историю.

При изучении истории лексической единицы актуальным является выявление различий между современным понятийным ядром слова и его ядром в языке древнего периода, а также анализ изменений его статуса в лексической системе. Однако на этом пути существует трудно преодолимая преграда, заключающаяся в следующем: изучаемые отрезки действительности в разные исторические периоды могли быть иными или пониматься они могли иначе.

В толковых словарях современного русского языка слово *гнев* толкуется как „чувство сильного негодования или возмущения, состояние крайнего раздражения или недовольства кем-либо, чем-либо”¹. В современной лексико-семантической системе слово *гнев* семантически сбли-

¹ Т. Ф. Е ф р е м о в а, *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*, Москва 2000.

жаются со словами *раздражение, ярость, бешенство, злость, досада, возмущение, негодование*, но отличается своей значимостью согласно места в системе. Так, например, русский язык позволяет сказать *обрушить на кого-либо свой гнев, ярость, раздражение; выразить (показать) кому-либо свой гнев, раздражение; прийти в страшный гнев, ярость, раздражение; разразиться яростью, гневом; ударить в бешенстве, гневом; с яростью, гневом обрушиться на кого-либо, опалить гневом*, но словосочетания **обрушить злость, досаду, возмущение, негодование, *разразиться злостью, досадой, возмущением, негодованием* невозможны. Приведенные примеры говорят о семантической близости слов *гнев, раздражение, ярость, бешенство*, их объединяет желание воздействовать на объект, являющийся причиной подобной реакции. Как указывает *Словарь синонимов русского языка, раздражение* — это „состояние недовольства и возмущения”, *гнев* — „состояние и чувство сильнейшего негодования и возмущения, вызванных кем-, чем-л.”, *бешенство* — „сильнейший гнев, проявляющийся с необузданной силой”, *ярость* — „сильнейший гнев, крайняя степень негодования”².

Отмечу, что термины *эмоция, чувство, психические состояния* часто употребляются без дифференциации значения в силу их логико-понятийной общности. Подобное наблюдается не только в обыденной речи, но также и в научной. В данной работе я сочла возможным оставить данный вопрос без обсуждения, сославшись на свою публикацию по данной проблеме³.

Как известно, лексикографические источники не содержат необходимой информации для выявления смыслов, лежащих в основе слова как функционирующей единицы, поскольку словарные дефиниции не описывают семантику слова, а только указывают на его понятийную принадлежность.

Эмоциональные концепты задаются ситуациями, типичными для известных переживаний, и эти ситуации могут быть описаны посредством ментальных сценариев. Я полагаю, что мы в самом деле интерпретируем наше эмоциональное состояние при помощи таких сценариев, и моя гипотеза подтверждается тем, что эмоциональные концепты, выражаемые в различных языках, очень хорошо моделируются при помощи таких сценариев⁴.

В текстах-скриптах аналитического типа могут быть заложены соответствующие сценарии, опираясь на которые возможно выявить содержа-

² *Словарь синонимов русского языка: в 2-х томах*, под ред. А. П. Евгеньевой, Москва 1970–1971, с. 237.

³ А. А. Камалова, *Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах*, Архангельск 1998, с. 229–253.

⁴ А. Вежбицкая, *Язык. Культура. Познание*, Москва 1997, с. 337.

ние подобных концептов. В качестве текста-скрипта избран контекст из романа Ф. М. Достоевского *Братья Карамазовы*, в котором описывается гнев, представленный в следующей сценарной структуре:

- (1) Иван Федорович затрясся..;
- (2) [...] вскричал, наконец, гневно Иван Федорович, со смирения переходя на грубость;
- (3) Что-то как бы перекосилось и дрогнуло в лице Ивана Федоровича. Он вдруг покраснел;
- (4) Иван Федорович с трудом переводил дух;
- (5) [...] переспросил Иван Федорович, с усилием сдерживая себя и грозно сверкая глазами;
- (6) Произошло что-то страшное: Иван Федорович внезапно, как бы в судороге, закусил губу, сжал кулаки и — еще мгновение, конечно, бросился бы на Смердякова;
- (7) [...] завопил вдруг Иван Федорович, неизвестно для чего вдруг ужасно возвысив голос.

Состояние величайшего гнева описывается через указание на голос, мимику, выражение глаз, характерные движения, направленность психической реакции. Говоря о семантике предикатов со значением ‘гнев’, Л. Н. Иорданская пишет:

Слова данной группы объединяются тем, что обозначают активно-отрицательное эмоциональное состояние (раздражение), требующее внешнего проявления, выхода наружу, разрядки⁵.

В психологическом этюде Т. Рибо находим:

[...] в гневе существуют два момента. Первый (астенический) зависит от причины гнева, от внешнего впечатления, от непосредственного толчка и выражается в кратковременном подавленном состоянии (мучительном). Вторым (стеническим) соответствует наступательной реакции и по своим симптомам ближе подходит скорее к удовольствию, чем страданию. Следовательно, гнев — эмоция смешанная, хотя она не принадлежит целиком к категории неприятных состояний, тем не менее они в ней преобладают⁶.

Сравнительный анализ близких по смыслу слов⁷, а также приведенный повествовательный текст-скрипт позволили сформулировать следующее семантическое описание предиката *гнев*.

⁵ Л. Н. Иорданская, *Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувств*, [в:] *Машинный перевод и прикладная лингвистика*, вып. 13, Москва 1970, с. 20.

⁶ Т. Рибо, *Гневъ. Психологическій этюдъ*, Санкт-Петербург 1899, с. 4–5.

⁷ А. А. Камалова, указ. соч., с. 250–252.

Гнев — это 'слабо управляемая, в высокой степени проявленная в движениях, голосе, взгляде отрицательная психическая реакция, локализованная в душе, сердце или охватывавшая человека в целом, направленная на объект, являющийся причиной нарушения личных или общественных принципов носителя названного состояния, сопровождающаяся желанием активных действий с целью изменить сложившееся положение дел'.

Таким образом, намечено понятийное ядро современного слова *гнев* и его место в лексико-семантической системе. Обратимся к этимологии и истории этого слова.

Согласно этимологическому словарю М. Фасмера *гнев* — слово праславянского происхождения. В основе значения слова, выражающего данное психическое состояние, лежит метафорическое переосмысление, сближающее *гнев* и *гнить*⁸. В древнерусском языке наряду со словом ГНѢВЪ функционировали образные номинации ОПАЛА, ОПАЛИТИСЯ, ОПАЛЯТИ, ОПАЛИВЫИ⁹, значение которых мотивировано глаголами *жечь, палить*; сегодня корень с такой мотивацией сохранился лишь в идиомах *быть в опале, попасть в опалу*, однако сам образ, рожденный на ассоциации эмоциональной реакции на огонь, горение, нагревание продолжает существовать в идиомах *пылать гневом, кипеть гневом*. Ассоциацию „гнев — огонь” находим не только в народном словотворчестве, подобные смыслы выявляются и в художественном слове. Так, например, Н. Д. Арутюнова приводит следующий пример, используемый Г. О. Винокуром:

Вспомнилось, как однажды слово „гнев” встало почему-то рядом со словом „огонь” и наполнило усталую в одиночестве душу угнетающей печалью. — *Гнев*, — соображал он, *прогневаться, огневаться*, — вот он откуда, *гнев* — из огня! У кого *огонь* в душе горит, тот и *гневен* бывает. А я бывал ли *гневен-то*? Нет во мне огня (Горький)¹⁰.

Данный пример демонстрирует не только мотивацию значения, но и указывает на психический склад субъекта, поскольку „разъярить можно только темпераментного или возбудимого человека, а сердить — и флегматика”¹¹. Ю. В. Откупщиков, размышляя об истории этого слова, пишет, что первоначально именно народная этимология сбли-

⁸ М. Ф а с м е р, *Этимологический словарь русского языка*, т. I, Москва 1964, с. 420.

⁹ Здесь и далее используется современная графика, поскольку примеры цитируются не по оригинальным источникам.

¹⁰ Н. Д. А р у т ю н о в а, *Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы*, Москва 1976, с. 103.

¹¹ Ю. Д. А п р е с я н, *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*, вып. 1, Москва 1997, с. 358.

зила слова *гнев* и *огонь*, а этимолог В. В. Мартынов выдвинул эту же идею уже в качестве научной гипотезы¹².

С целью выявить содержание и функции слова *гнев* в истории русского языка я обратилась к историческим памятникам. Именно на базе литературного языка, первоначально в церковнославянских текстах формируется лексика, именуемая психические состояния. Источником материала послужили тексты литературных памятников XI–XVII веков (всего 21 произведение различных жанров)¹³. В данной работе изложу самые общие сведения о своих наблюдениях.

В памятниках представлены различные лексико-семантические группы, объединяемые значением ‘психические состояния (эмоции)’; 77% от общего числа слов с этим значением (179 лексем) выражают печаль и страдание, 11% приходится на лексем со значением ‘радость’, остальные 12% относительно равномерно распределяются по остальным группам. Из этого следует, что лексика со значением ‘гнев’ не частотна в избранных для наблюдений текстах. Данный факт объясняется жанровой принадлежностью памятников; в ораторской и учительской прозе крайне редко встречается описание эмоциональной жизни человека, а если присутствует, то чаще всего используется не в прямой функции¹⁴. Так, например, в Поучении Владимира Мономаха находим два примера: ГНѢВЪ ВЪ ЯРОСТИ ЕГО, ВНЕГДА ПРОГНѢВАТИСЯ ЯРОСТИ ЕГО НА НЫ. Описание эмоций и, соответственно, функционирование лексем со значением психических состояний выявляются в агиографических текстах, где соответствующее состояние обозначается чаще всего лексемами ЯРОСТЬ и ГНѢВЪ, а также производными ГНѢВАТИСЯ, РАЗГНѢВАТИСЯ. Первоначально именно слово ЯРОСТЬ наиболее активно функционировало в древнерусских текстах в том же значении, что и слово ГНѢВЪ. Необходимо отметить, что этимология этого слова денотативно близка внутренней форме слова *гнев*: жар, огонь, сила [...] ¹⁵. Выявить семантические отношения слов *гнев* и *ярость* в период их функционирования в древнерусской литературе сегодня не представляется возможным, поскольку в текстах встречается прием, который можно назвать „удвоением смысла“: *гнев* и *ярость* функцио-

¹² Ю. В. О т к у п щ и к о в, *К истокам слова: рассказы о науке этимологии*, Ленинград 1968, гл. 24.

¹³ О памятниках и выборке контекстов со значением психического состояния см.: А. А. К а м а л о в а, *Формирование и функционирование лексики со значением психического состояния в русском литературном языке*, Архангельск 1994, с. 93–117.

¹⁴ Там же, с. 98.

¹⁵ Об истории слова *ярость* см.: В. В. В и н о г р а д о в, *Основные типы лексических значений слова, [в:] его же, Избранные труды: лексикология и лексикография*, Москва 1977, с. 171.

нируют в одном контексте: ОТ ЯРОСТИ ЖЕ И ГНЕВА (*Житие Феодосия Печерского*). Подобное регулярно встречается для лексем других лексико-семантических групп, например: въ тузѣ и печали (*Сказание о Борисе и Глебе*). Данные примеры позволяют сделать следующее предположение: подобное употребление лексем может свидетельствовать, во-первых, об особенностях стиля древнерусской литературы, во-вторых, о желании автора наиболее полно передать смысл, поскольку семантика и функции лексем находились в состоянии формирования.

Следует отметить, что уже в ранний период церковнославянской литературы Руси формируются устойчивые формулы в употреблении слов *гнев* и *ярость*, что, впрочем, характерно и для других лексико-семантических групп, обозначающих эмоции, например: ЕЩЕ ГНѢВЪМЪ ОДЕРЖИМА СУЩИ, и РАЖДЪГЪЩИСЯ ГНѢВЪМЪ (*Житие Феодосия Печерского*, 310, 314).

Таким образом, даже фрагментарное изложение фактов истории слова *гнев* свидетельствует о длительном функционировании данной лексической единицы в истории литературного языка. Представляется, что его современное значение, функции и значимость являются результатом длительного употребления в текстах литературного языка: первоначального в церковнославянских, а затем в художественной литературе (этот этап требует специального рассмотрения), в которых и происходила семантизация слова. Здесь же изложены только самые общие наблюдения и намечен путь описания судьбы слова *гнев* в истории русского литературного языка. Полагаю, что историю слова *гнев* следует рассматривать в рамках общих процессов, характерных для формирования лексических и фразеологических средств описания эмоций в русском языке.

Библиография

- А п р е с я н Ю. Д., *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*, вып. 1, Москва 1997.
- А р у т ю н о в а Н. Д., *Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы*, Москва 1976.
- В е ж б и ц к а я А., *Язык. Культура. Познание*, Москва 1997.
- В и н о г р а д о в В. В., *Основные типы лексических значений слова*, [в:] его же, *Избранные труды: лексикология и лексикография*, Москва 1977.
- Е ф р е м о в а Т. Ф., *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*, Москва 2000.
- И о р д а н с к а я Л. Н., *Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувств*, [в:] *Машинный перевод и прикладная лингвистика*, вып. 13, Москва 1970.

- К а м а л о в а А. А., *Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах*, Архангельск 1998.
- К а м а л о в а А. А., *Формирование и функционирование лексики со значением психического состояния в русском литературном языке*, Архангельск 1994.
- О т к у п щ и к о в Ю. В., *К истокам слова: рассказы о науке этимологии*, Ленинград 1968, гл. 24.
- Р и б о Т., *Гнѣвъ. Психофизиологическій этюдъ*, Санкт-Петербург 1899.
- Словарь синонимов русского языка: в 2-х томах*, под ред. А. П. Евгеньевой, Москва 1970–1971.
- Ф а с м е р М., *Этимологический словарь русского языка*, т. I, Москва 1964.

Источники

- Житие Феодосия Печерского (Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского)*, [в:] *Памятники литературы Древней Руси (начало русской литературы XI – начала XII века)*, Москва 1978.
- Сказание о Борисе и Глебе (Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу)*, [в:] *Памятники литературы Древней Руси (начало русской литературы XI – начала XII века)*, Москва 1978.
- Поучении Владимира Мономаха*, [в:] *Памятники литературы Древней Руси (начало русской литературы XI – начала XII века)*, Москва 1978.

